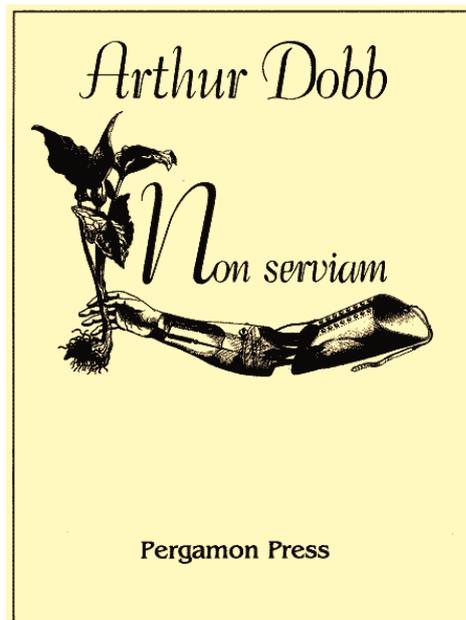


Не буду служить

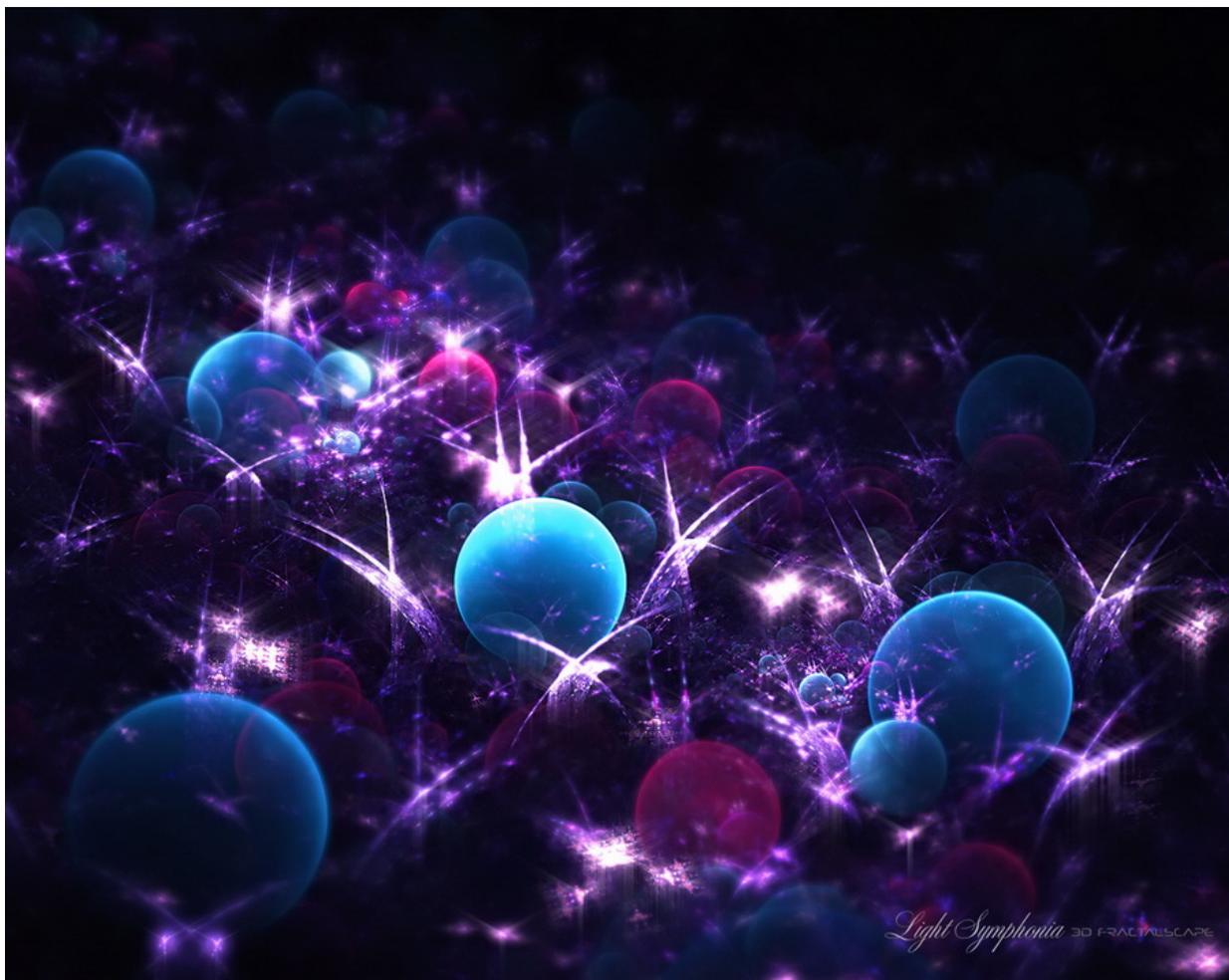
Станислав Лем

(рецензия на ненаписанную книгу Arthur Dobb "NON SERVIAM")

Книга профессора Добба посвящена персонетике, которую финский философ Эйно Каикки назвал немилосерднейшей из наук, созданных человеком. Добб, один из наиболее выдающихся персонетиков современности, думает так же. Нельзя, заявляет он, не прийти к заключению об аморальности персонетических экспериментов; речь, однако, идет об исследованиях, которые, хотя и вступают в противоречие с этикой, жизненно необходимы для нас. Исследователю подчас приходится быть беспощадным, подавляя естественные побуждения, и миф – если он еще уцелел – о младенческой невинности ученого-регистратора терпит крушение именно здесь. Мы поведем разговор о дисциплине, которую несколько высокопарно называют экспериментальной теогонией. И вот что заставляет рецензента задуматься: когда пресса впервые подняла шумиху вокруг персонетики (это случилось девять лет назад), читатели пережили настоящее потрясение; а ведь нас, казалось бы, ничем уже нельзя удивить. Столетия гремело эхо деяний Колумба, но покорение Луны общественное сознание переварило чуть ли не за неделю, как нечто почти банальное. И все-таки рождение персонетики оказалось для публики шоком. В названии дисциплины слиты два заимствованных из латыни слова: «персона» (личность) и «генетика» (создание, сотворение). Персонетика представляет собой позднее ответвление кибернетики и психоники восьмидесятых годов на базе интеллектуальной техники. О персонетике слышал сегодня каждый; случайный прохожий ответит, что это – искусственное разведение разумных существ. Ответ не то чтобы неверный, но не затрагивающий существа дела. В настоящее время мы располагаем почти сотней персонетических программ. Девять лет назад в компьютерах уже возникали личности-схемы –



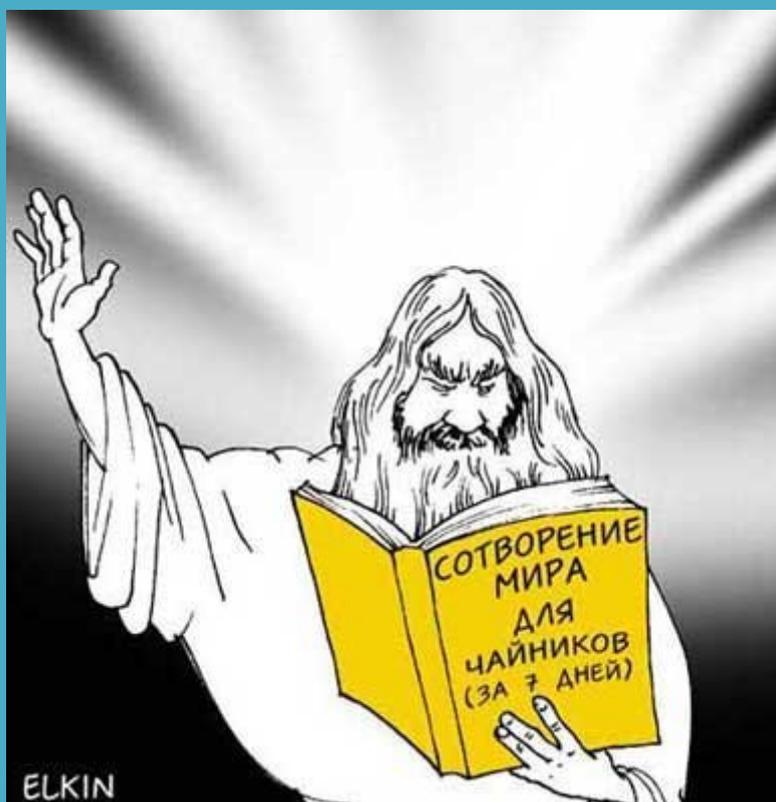
примитивные зародыши «линейного» типа; впрочем, тогдашнее поколение цифровых машин, ныне имеющее лишь музейную ценность, еще не позволяло по-настоящему начать сотворение персоноидов.



Персонетику как теоретическую возможность предчувствовал уже Норберт Винер, о чем свидетельствуют некоторые места его последней работы «Творец и робот». Правда, об этой возможности Винер упоминал в своем обычном полушутливом тоне, за которым, однако, угадывались перспективы довольно мрачные. Но даже Винер не мог предвидеть, как обернется дело лет двадцать спустя. «Самое худшее случилось, – сказал сэр Дональд Акер, – когда в Массачусетском технологическом институте соединили входы с выходами».

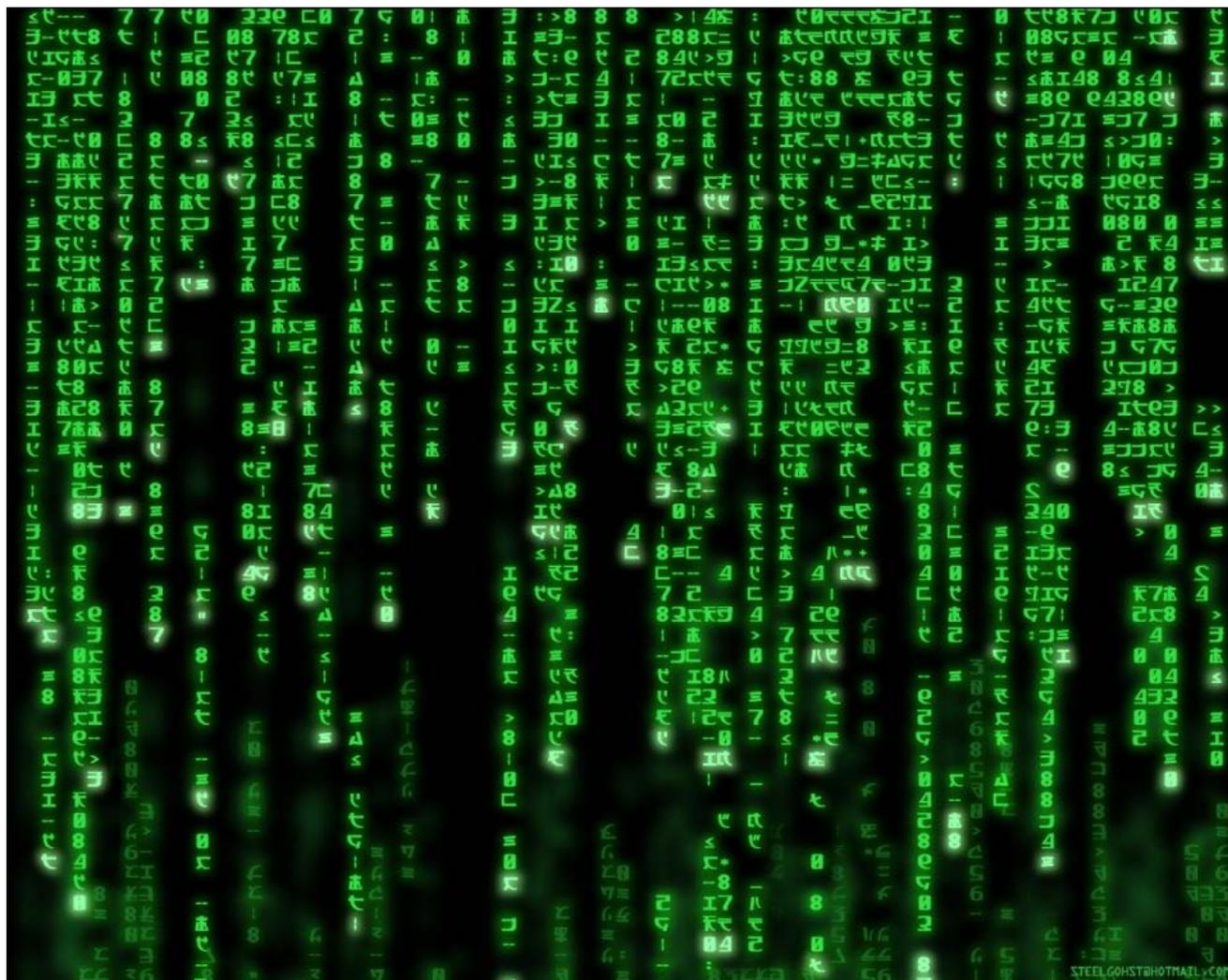
Сейчас персоноидный «мир» для будущих его «обитателей» можно создать за два часа. Именно столько времени требуется, чтобы внести в машину одну из полных программ типа ВААЛ-66, КРЕАН-IV или ЯХВЕ-09. Добб излагает раннюю историю персонетики довольно бегло, отсылая читателя к источникам, и в качестве убежденного практика-экспериментатора рассказывает прежде всего о том, как работает он сам, – обстоятельство довольно существенное, поскольку между

английской школой (именно ее представляет Добб) и американской группой из МТИ существуют довольно значительные различия по части методики и целей экспериментальных исследований. Добб рисует процедуру «шестидневки творения, ужатой до 120 минут» следующим образом. Сначала в машинную память вводят



минимальный набор данных, то есть – если прибегнуть к языку, понятному непосвященным, – заряжают ее «математическим материалом», который становится зародышем жизненного универсума будущих персоноидов. Существа, которые явятся в этот машинный и цифровой мир, которые будут существовать в нем и только в нем, мы уже умеем помещать в окружение с бесконечностными характеристиками. Они не ощутят себя узниками в физическом смысле: у этого окружения не будет – с их точки зрения – никаких границ. Из всех его измерений лишь одно весьма близко к тому, что знакомо и нам; это – ход (протекание) времени. Но персоноидное время не тождественно нашему: скорость его протекания свободно регулируется экспериментатором. Обычно она максимальна на вступительной стадии (стадия «пуска миротворения»); наши минуты здесь соответствуют целым зонам, во время которых сменяют друг друга фазы преобразования и кристаллизации искусственного космоса. Персоноидный Космос – совершенно беспространственный; различные его измерения носят чисто математический, то есть с объективной точки зрения как бы «вымышленный» характер. Измерения эти суть следствие аксиоматических решений

программиста, и от него зависит, сколько их будет. Если, например, он выберет десятимерность, то получится мир с совершенно иной структурой, чем мир всего лишь с шестью измерениями; следует, пожалуй, подчеркнуть еще раз, что они не имеют ничего общего с измерениями физического пространства, а представляют собой абстрактные, логически правомерные конструкторы, которыми пользуется математическая системная демиургия.



Этот недоступный для нематематика пункт Добб старается объяснить при помощи элементарных фактов, известных из школьных учебников. Как известно, можно сконструировать геометрически правильную фигуру с тремя измерениями – хотя бы куб, имеющий соответствие в реальной действительности в виде игральной кости; и точно так же можно построить геометрические фигуры с четырьмя, пятью и любым иным количеством измерений (четырёхмерная фигура называется тессерактом). Они уже не имеют реальных соответствий, в чем легко убедиться: из-за отсутствия «физического измерения номер четыре» нельзя построить реальную костяшку с четырьмя измерениями. Так вот, это различие (между физически реализуемым и

возможным только математически) для персоноидов не существует вообще, поскольку их мир имеет чисто математическую «фактуру». Он сконструирован из математических элементов (воплощенных, разумеется, в обычных, чисто физических объектах: реле, транзисторах, контурах – короче, во всей огромной сети цифровой машины).



Как известно, согласно современной физике пространство не есть нечто самостоятельное по отношению к объектам и массам, находящимся в нем. Существование пространства обусловлено этими телами; там, где их нет, где «ничего нет» (в материальном смысле), исчезает и пространство, сжеживаясь до нуля. А в персоноидном мире роль материальных тел, которые как бы «раздуваются», создавая тем самым пространство, играют математические системы, специально для этого созданные. Из всех математик, которые можно было бы создать – аксиоматическим методом, – программист, задумав определенный эксперимент, выбирает определенную группу, которая станет «бытийной опорой», «онтологическим фундаментом» творимого Универсума. Тут, по мнению Добба, налицо поразительное сходство с человеческим миром. Наш мир «выбрал» определенные формы и определенные типы геометрии, которые соответствуют ему наилучшим, то есть

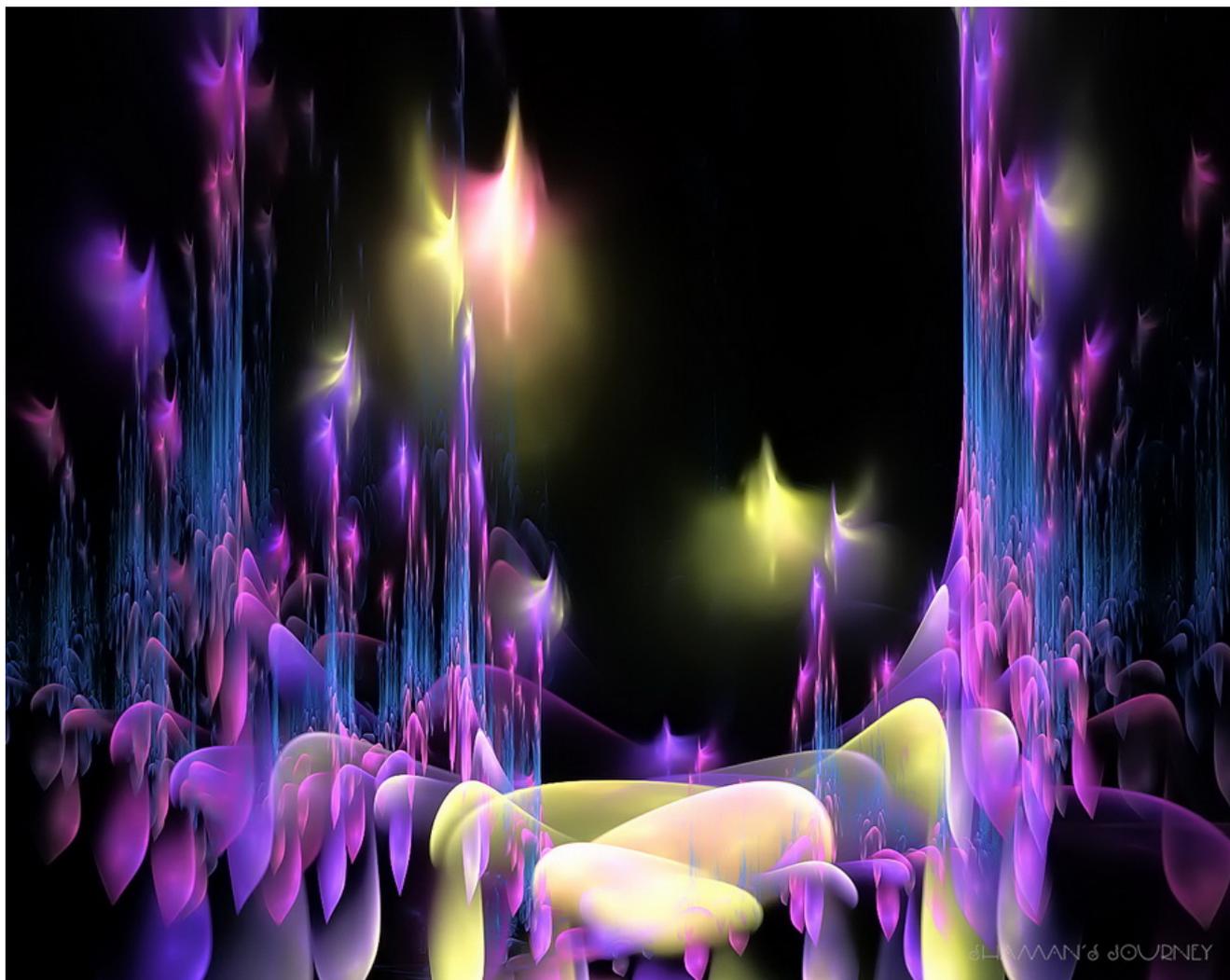
наиболее простым, образом (трехмерность, чтобы вернуться к тому, с чего мы начали). Тем не менее, мы можем представить себе «иные миры», с иными свойствами – геометрическими, и не только. Точно так же и персоноиды: разновидность математики, которую персонетик предназначил им для «жилья», для них то же самое, что для нас «реальный базовый мир», в котором мы живем и не можем не жить. И, подобно нам, они в состоянии «вообразить» себе миры с иными фундаментальными свойствами.

Добб ведет изложение методом последовательных приближений и возвращения к сказанному; то, что мы набросали выше и что примерно соответствует двум первым главам его книги, в дальнейшем усложняется и тем самым частично отменяется. Неверно было бы думать, объясняет автор, что персоноиды будто бы сразу попадают в какой-то готовый, неподвижный, намертво замороженный мир в его окончательном, завершенном виде. То, каким окажется этот мир в ходе своей «конкретизации», зависит от них самих, и притом во все возрастающей степени, по мере того как возрастает их собственная активность, «исследовательское любопытство». Но сравнение универсума персоноидов с миром, который лишь постольку существует в своих проявлениях, поскольку воспринимается населяющими его существами, тоже не дает верного представления о существе дела. Это сравнение, которое можно встретить в работах Сейнтера и Хьюза, Добб считает «идеалистической аберрацией», данью, которую персонетика заплатила столь неожиданно воскресшему учению епископа Беркли. Сейнтер утверждал, что персоноиды познают свой мир, как то берклиевское существо, которое не в состоянии отличить «esse» от «percipi»¹, то есть никогда не обнаружит различия между наблюдаемым и тем, чем оно вызывается – объективно и независимо от наблюдающего.

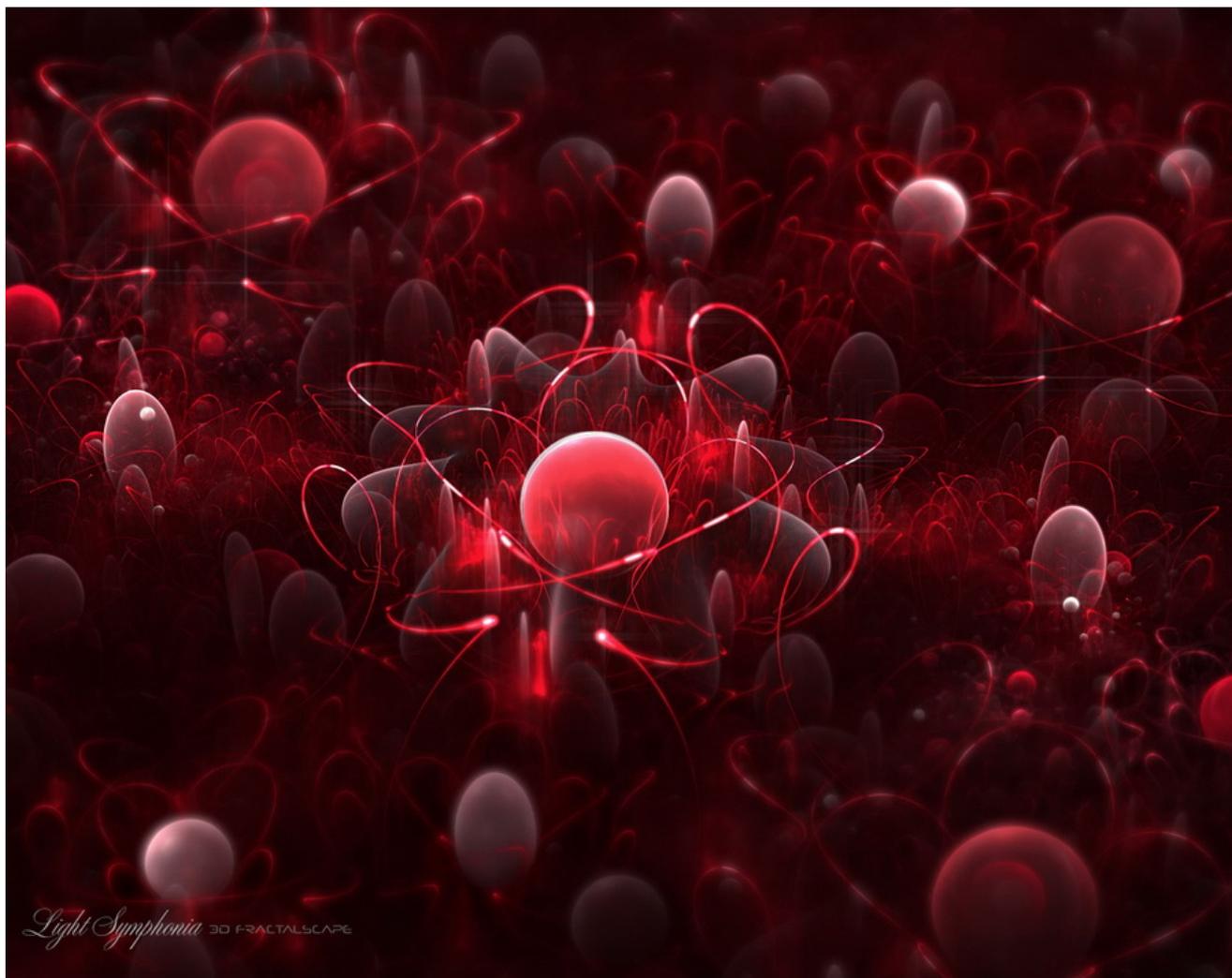
Добб критикует такую интерпретацию тем более страстно, что мы, будучи творцами их мира, прекрасно знаем, что наблюдаемое ими действительно существует (внутри компьютера) независимо от персоноидов – хотя, конечно, лишь так, как могут существовать математические объекты. Но и это еще не конечная стадия объяснений. Зародыши персоноидов возникают благодаря программе, растут со скоростью, заданной экспериментатором, то есть так быстро, как только допускает современная техника переработки информации, оперирующая световыми скоростями. Математика, которой предназначено стать «жизненным обиталищем» персоноидов, ожидает их не совершенно готовой, но словно бы «свернутой», «недосказанной», «приостановленной», «латентной», как совокупность неких возможностей, неких путей,

¹ «Быть» (от) «воспринимать» (лат.).

содержащихся в запрограммированных определенным образом блоках цифровой машины. Но эти блоки, или генераторы, «сами из себя» ничего не создают; конкретный тип активности персоноида служит для них пусковым механизмом, высвобождающим творческую активность, которая постепенно возрастает и конкретизируется; другими словами, мир, в котором эти существа обитают, будет «доопределяться» в соответствии с их поведением. Добб пытается пояснить сказанное при помощи следующей аналогии: человек может по-разному интерпретировать реальный мир. Если он особенно интенсивно исследует определенные свойства этого мира, то добытые им знания по-особому осветят и другие области бытия, не учтенные в приоритетном исследовании; например, если сначала он будет усердно заниматься механикой, то у него сформируется механицистская картина мира: он увидит Вселенную как гигантские идеальные часы, безостановочный ход которых ведет от прошлого к жестко детерминированному будущему. Эта картина не есть точное соответствие реальности, тем не менее ею можно пользоваться исторически долгое время и даже добиваться немалых практических достижений – в строительстве машин,



орудий и т.д. Подобным же образом персоноиды – если «настроятся», по собственному выбору и желанию, на определенный тип отношений, если отдадут ему предпочтение и лишь в нем будут усматривать «сущность» своей вселенной – вступят на путь таких действий и открытий, которые не будут ни фиктивными, ни бесплодными. Благодаря такой «самонастройке» они извлекут из своего окружения как раз то, что наилучшим образом ей соответствует. Именно это они заметят раньше всего, именно этим раньше всего овладеют. Ибо мир, который их окружает, лишь частично детерминирован, предзадан исследователем-творцом; у персоноидов остается определенная – вовсе не малая – степень свободы поведения, как чисто мысленного (в сфере того, что они думают о своем мире и как его понимают), так и «реального» (в сфере «действий», которые, правда, реальны не буквально, не в нашем смысле, однако существуют не только в мышлении). Впрочем, это едва ли не самое трудное место книги, и Доббу, пожалуй, не удалось полностью объяснить то особое качество экзистенции персоноидов, которое можно выразить лишь на математическом языке программ и демиургических поправок. Так что мы должны – отчасти на веру – принять, что активность персоноидов ни абсолютно свободна (как и пространство наших поступков, которое ограничивают физические законы природы), ни абсолютно детерминирована (как и мы не являемся вагонами, которые движутся по жестко закрепленным путям). Персоноид подобен человеку в том, что «вторичные качества» – цвета, мелодичные звуки, красота вещей – появляются лишь тогда, когда уже есть слышащие уши и видящие глаза; но ведь те свойства, которые делают возможным зрение и слушание, существовали и раньше. Персоноиды, наблюдая свое окружение, «от себя» привносят в него субъективно переживаемые свойства, которые применительно к нам соответствуют красоте созерцаемого пейзажа, с той только разницей, что персоноидам даны чисто математические пейзажи. О том, «как они их видят», мы никоим образом не можем судить, во всяком случае, если речь идет о «субъективном качестве их восприятия»: чтобы понять, как они ощущают, пришлось бы сбросить человеческую кожу и самому стать персоноидом. Тем более что персоноиды не имеют ни глаз, ни ушей, а значит, ничего не видят и не слышат в нашем понимании, и в их вселенной нет ни света, ни темноты, ни пространственной близости, ни дали, ни верха, ни низа. Зато там есть измерения, для нас совершенно непредставимые, а для них первичные, элементарные; они наблюдают, к примеру – в качестве аналогов чувственного человеческого восприятия, – определенные изменения электрических потенциалов. Но воспринимают не так, как, скажем, удары тока, а скорее так, как человек воспринимает простейшее оптическое, акустическое или какое-нибудь иное явление – красное пятно, звук, прикосновение чего-нибудь твердого или мягкого.



Здесь, подчеркивает Добб, можно изъясняться одними лишь аналогиями, уподоблениями; утверждать, будто персоноиды «увечны» по сравнению с нами, раз они не видят и не слышат, как мы, было бы полным абсурдом: с тем же правом можно было бы заявить, что это мы обделены по сравнению с ними, поскольку лишены непосредственного восприятия мира математических феноменов – ведь мы познаем его лишь интеллектуальным, умственным, дедуктивным путем, соприкасаемся с ним только посредством умозаключений, «переживаем» математику только благодаря абстрактному мышлению. А они в ней живут, это их воздух, земля, облака, вода и даже хлеб, даже пища, поскольку в определенном смысле они ею «кормятся». Итак, персоноиды являются узниками, герметически замкнутыми в машине, только с нашей точки зрения; они не способны пробиться к нам, в человеческий мир, а мы, как бы в силу зеркальной симметрии, не способны проникнуть внутрь их мира, существовать в нем и переживать его непосредственно. Итак, математика в некоторых своих воплощениях стала жизненным пространством разума, одухотворившегося до полной бесплотности, стала нишей и колыбелью его бытия.

Персоноиды во многих отношениях походят на человека. Помыслить определенное противоречие («а» и одновременно «не а») они могут, но осуществить его не в состоянии – как и мы. Этого не допускает физика нашего и логика их мира. Ибо в их мире логика служит такой же рамкой, организующей действительность, как физика – в нашем мире! Во всяком случае, подчеркивает Добб, не может быть речи о том, чтобы мы могли до конца, интроспективно понять, что «чувствуют» и «переживают» персоноиды, активно действующие в своем бесконечном Универсуме. Его абсолютная беспространственность не имеет ничего общего с заточением – это чушь, выдуманная журналистами; напротив, беспространственность служит гарантией их свободы, поскольку математика, которую по-паучьи ткут из своего нутра побужденные к активности компьютерные генераторы, представляет собой как бы становящееся пространство для любой деятельности – для строительства, исследований, героических экспедиций, вылазок в неизвестное, смелых догадок. Словом, мы не обделили персоноидов, дав им во владение именно такую, а не иную вселенную. Не в этом следует усматривать жестокость и аморальность персонетики.

В седьмой главе «Non serviam» Добб знакомит нас с обитателями цифрового универсума. Персоноиды располагают как артикулированным языком, так и артикулированной мыслью, а кроме того, наделены эмоциями. Все они обладают индивидуальностью, причем индивидуальные особенности персоноидов не запрограммированы заранее их творцом-человеком, а обусловлены необычайной сложностью их внутреннего строения. Персоноиды могут быть чрезвычайно похожими друг на друга, но одинаковыми – никогда. При своем появлении на свет они получают так называемое «ядро» («персональный нуклеус»). Уже тогда они обладают даром речи и мышления, но в зачаточном состоянии. Они располагают словарем, хотя и крайне бедным, и способны строить фразы по правилам заранее заданной грамматики. По-видимому, в будущем можно будет не задавать заранее даже этих детерминант и просто ждать, пока они сами, как первобытная человеческая группа в процессе социализации, создадут язык. Но это направление развития персонетики наталкивается на два кардинальных препятствия. Во-первых, время ожидания оказалось бы крайне велико. Сейчас оно оценивается в 12 лет, и это при максимальном темпе внутрикюмпьютерных преобразований (говоря образно и очень грубо, году человеческой жизни соответствовала бы при этом секунда машинного времени). Во-вторых, и это решающее соображение, язык, создавшийся стихийно в ходе групповой эволюции персоноидов, был бы непонятен для нас; его изучение напоминало бы разгадывание таинственного шифра, осложненное вдобавок тем, что

шифры, которые мы обычно разгадываем, создали все же люди для других людей, в мире, общем для шифровальщиков и дешифровальщиков. А мир персоноидов качественно отличен от нашего, и потому язык, наиболее подходящий для него, должен резко отличаться от любого этнического языка. Так что творение «ex nihilo»² остается проектом и мечтой персонетиков. По мере «взросления» персоноиды сталкиваются с древнейшей и самой важной для них загадкой – загадкой собственного происхождения. Перед ними встают вопросы, известные нам из истории человека, его верований, его философских исканий и мифотворчества. Откуда мы взялись? Почему мы такие, какие есть? Почему наблюдаемый нами мир обладает такими, а не иными свойствами? Что сами мы значим для мира? Что мир значит для нас? И цепочка этих вопросов неизбежно ведет к коренным вопросам онтологии, из которых центральный – вопрос о том, возникло ли бытие «само из себя» или в результате какого-то акта творения; другими словами, не стоит ли за ним обладающий волей и разумом, сознательно действующий Творец. Вот где ярче всего обнаруживается жестокость и аморальность персонетики.

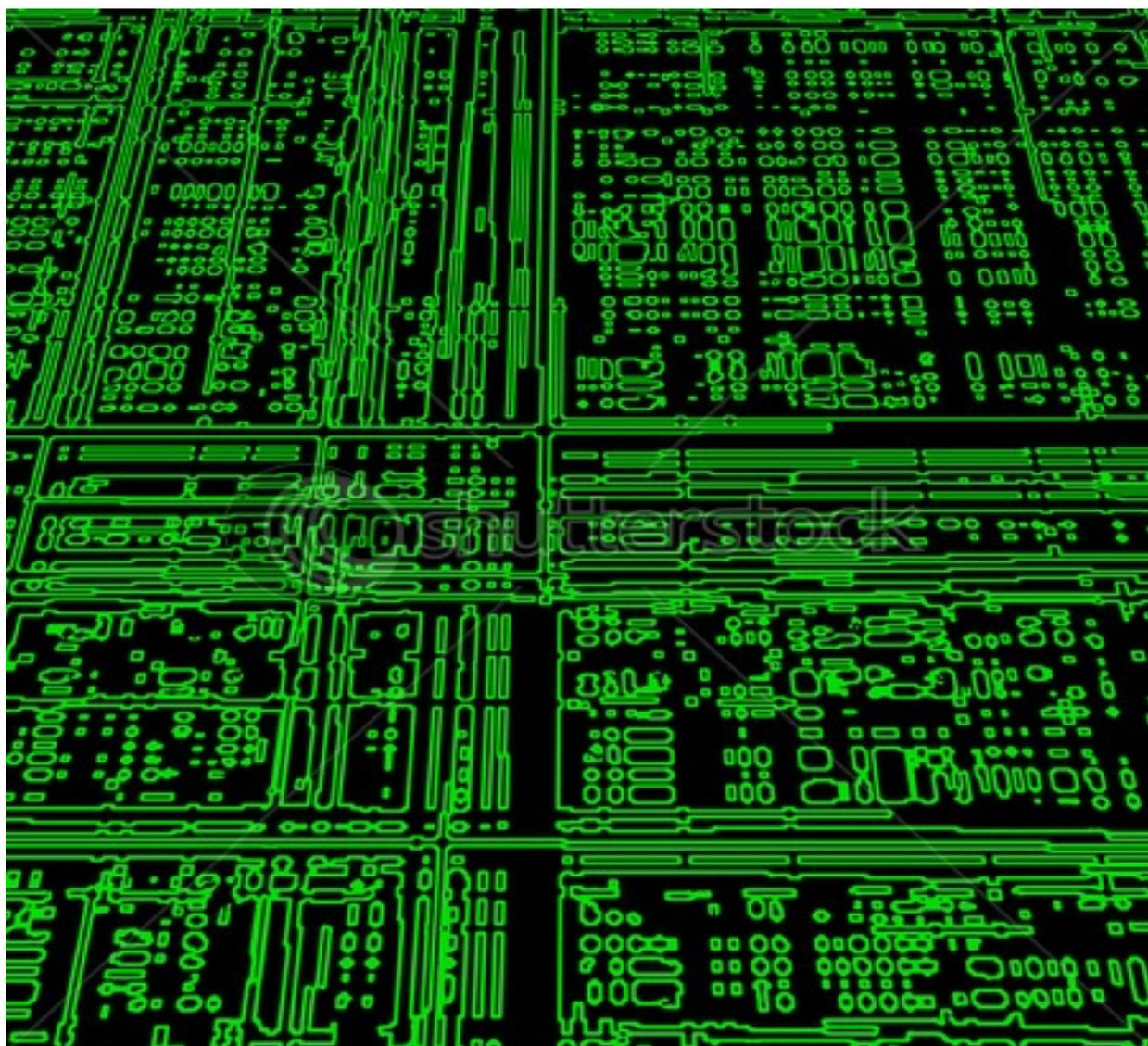


² Из ничего (лат.).

Но прежде чем рассказать нам – во второй части книги – об усилиях (или, если угодно, муках) разума, терзаемого такими вопросами, Добб посвящает несколько глав характеристике типичного персоноида, его «анатомии, физиологии и психологии».

Одиноким персоноид не способен выйти из стадии зачаточного мышления: он просто не сможет упражняться в речи, а без этого и дискурсивное мышление не развивается и угасает. Оптимальными, как показали сотни опытов, являются группы от четырех до семи персоноидов – во всяком случае, для развития речи и типичных поисковых действий, а также для «культурализации». Явления же, соответствующие крупномасштабным процессам социализации, требуют гораздо более многочисленных групп. В достаточно емком компьютере уже теперь можно «уместить» до тысячи персоноидов; но такого рода исследования из области социодинамики, которая выделилась уже в самостоятельную дисциплину, не входят в круг основных интересов Добба, поэтому и в его книге о них лишь бегло упоминается. Как было сказано выше, персоноиды не имеют тела, но имеют «душу». С точки зрения внешнего наблюдателя (наблюдение ведется при помощи особого устройства типа зонда, встроенного в компьютер), такая душа выглядит как «упорядоченное облако процессов», как функциональный агрегат с чем-то вроде «сердцевины», которую можно выделить, то есть достаточно точно локализовать ее в машинной сети (кстати, это нелегко и во многих отношениях напоминает попытки нейрофизиологов локализовать центры некоторых функций головного мозга). Главной для понимания самой возможности сотворения персоноидов является 11-я глава «Non serviam», в которой довольно доступно излагаются основы теории сознания. Сознание (любое, не только персоноида, но и человека) в физическом смысле – своего рода «стоячая информационная волна», некая динамическая постоянная в потоке неустанных преобразований; странность этого явления в том, что оно представляет собой компромисс и в то же время равнодействующую, по-видимому, вовсе не «запланированную» эволюцией. Совсем напротив: эволюция поначалу чинила всяческие препятствия и помехи согласованной работе мозга, превосходящего определенный объем, то есть определенный уровень сложности; разумеется, в область этих коллизий она забрела неосознанно, поскольку не является личностным творцом. Просто некие древние эволюционные решения задач по управлению и регулированию, с которыми приходится иметь дело нервной системе, эволюция наконец «затащила» на уровень, с которого начался антропогенез. С чисто рациональной, инженерной точки зрения, с точки зрения экономии средств эти старые решения следовало попросту перечеркнуть, отбросить и спроектировать мозг

разумного существа совершенно по-новому. Но эволюция, конечно, так поступить не могла: не в ее власти освободиться от груза старых решений, насчитывающих нередко сотни миллионов лет; она продвигается вперед малюсенькими шажками приспособительных изменений; она ползет, а не скачет. Эволюция – это волокуша, которая тащит за собой бесчисленные «архаизмы» и даже всяческий «мусор», по образному выражению Таммера и Бовина (осуществленное при их участии компьютерное моделирование человеческой психики во многом способствовало появлению персонетики). Сознание человека – результат своего рода «компромисса», «латания дыр»; это, как заметил однажды Гибхардт, превосходная иллюстрация немецкой поговорки «Aus einer Not eine Tugend machen» («Делать из нужды добродетель»). Цифровая машина никогда не сможет добыть сознания «из себя самой» – по той простой причине, что в ней не случаются иерархические поведенческие конфликты. Такая машина, самое большее, может впасть в «логическую конвульсию» или «логический ступор», если антиномии в ней расплодятся, и это все.



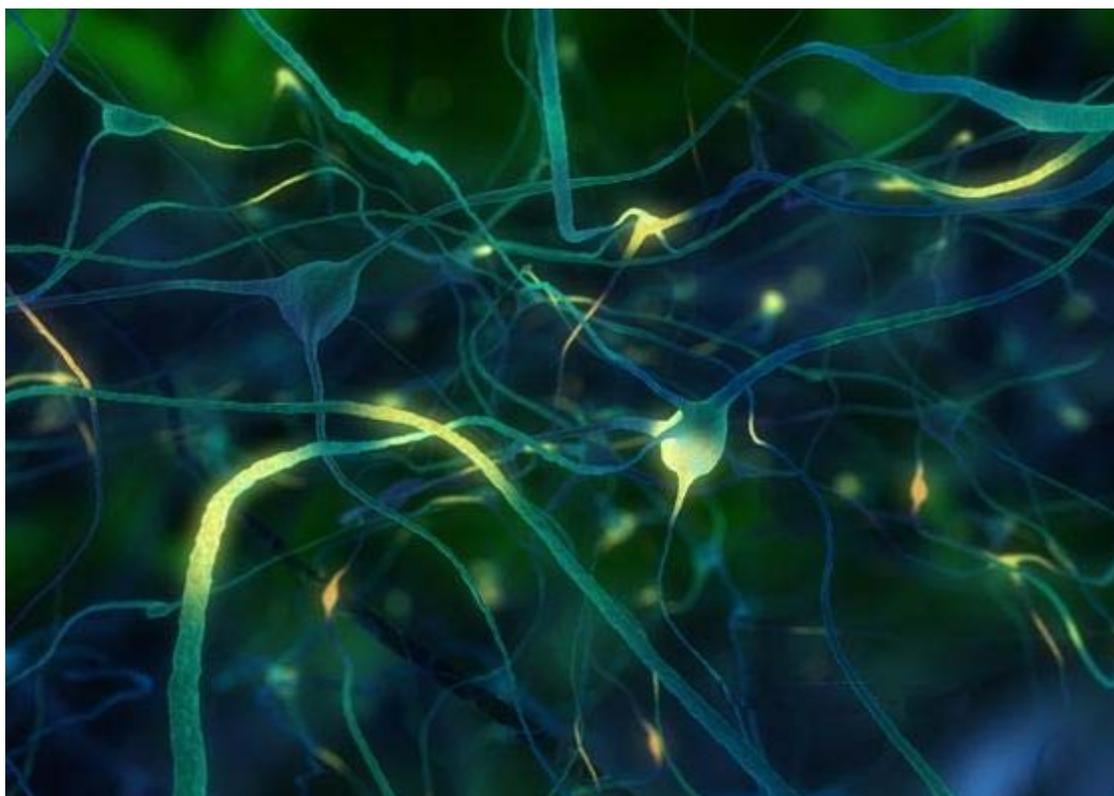
Однако противоречия, которыми просто кишит мозг человека, на протяжении сотен тысяч лет преодолевались при помощи «процедур арбитража». Возникли высшие и низшие уровни: рефлексов и рефлексии, произвольных влечений и контроля над ними, элементарного моделирования среды («зоологическим способом») и понятийного моделирования (языковым способом), причем все они, вместе взятые, не могут, «не желают» полностью совпадать, сходиться, сливаться в единое целое. Что же такое сознание? Уловка, высвобождение из западни, мнимая последняя инстанция, трибунал, решение которого по видимости (но только по видимости) обжалованию не подлежит, а на языке физики и информатики – процесс, который, однажды начавшись, уже не может быть замкнут, то есть окончательно завершен. Сознание – всего лишь проект такого завершения, полного «примирения» жестоких противоречий мозга. Это как бы зеркало, задача которого – отражать другие зеркала, а те, в свою очередь,



отражают другие, и так до бесконечности. Но это просто физически невозможно, и потому феномен человеческого сознания парит и реет над западной «*regressus ad infinitum*»³. «Под сознанием», по-видимому, идет непрерывный бой за полное

³ Сползание к бесконечности (лат.).

представительство «наверху» того, что не может пробиться туда целиком, хотя бы из-за нехватки места: чтобы уравнивать в правах все тенденции, рвущиеся в центры сознательного внимания, понадобилась бы неограниченная вместимость и пропускная способность. Потому-то вокруг сознания царит постоянная «давка», «толчея», а само оно – отнюдь не верховный, бесстрастный, суверенный кормчий всех умственных явлений; нередко оно оказывается пробкой на бурных волнах, «господствующая позиция» которой не имеет ничего общего с господством над этими волнами... К сожалению, современную теорию сознания, интерпретируемую информатически и динамически, нельзя изложить языком простым и ясным, и здесь, в этом популярном изложении, мы по-прежнему вынуждены прибегать к наглядным сравнениям и метафорам. Во всяком случае, нам известно, что сознание есть некая «уловка», некий «фортель» эволюции, который действует, как всегда, «оппортунистически» – то есть так, чтобы поскорее, не задумываясь о последствиях, справиться с возникающими трудностями. Если бы разумное существо создавалось согласно канонам абсолютно рационального конструирования и логики, в соответствии с критериями технической эффективности, оно вообще не было бы одарено сознанием... Его поведение было бы абсолютно логичным, непротиворечивым, ясным, замечательно упорядоченным и – с точки зрения наблюдателя-человека, – быть может, даже до гениальности эффективным во всем, что касается творчества и принятия решений; но такое существо ни в коей мере не было бы человеком – лишенное его «таинственной глубины», его внутренней «извилистости», его лабиринтной природы...



Мы – как и профессор Добб – не собираемся здесь излагать современную теорию сознательной психической жизни; мы лишь хотели помочь читателю понять, чем обусловлена личностная структура персоноидов. Персонетика наконец-то осуществила один из древнейших мифов – миф о гомункуле. Чтобы создать подобие человека, то есть человеческой психики, нужно намеренно ввести в информационный субстрат определенные противоречия, наделить его некими асимметриями, центробежными тенденциями, словом, нужно одновременно интегрировать его – и разобщить. Рационально ли это? Конечно, и даже неизбежно, если мы хотим не просто сконструировать искусственный разум, но имитировать человеческое мышление, а вместе с ним – личность человека.

Следовательно, эмоции персоноидов должны до известной степени расходиться с доводами их разума; в них должны действовать саморазрушительные – хотя бы отчасти – тенденции, ощущаться некие внутренние «напряжения», некие центробежные силы, которые проявляются либо в изумительной неисчерпаемости духовных состояний, либо в невыносимо болезненной раздвоенности. При этом рецептура творения вовсе не так безнадежно сложна, как может показаться на первый взгляд. Просто логика сотворения персоноида должна быть нарушена, должна содержать в себе какие-то антиномии. Сознание, как сказал Хильбрандт, это не только выход из эволюционной ловушки, но и бегство из ловушки гёделизации: при помощи паралогических противоречий оно сумело ускользнуть от противоречий иного рода, присущих всякой системе, совершенной в логическом отношении. И хотя Универсум персоноидов всецело рационален, сами они не являются вполне рациональными его обитателями. Ограничимся этим – коль скоро и профессор Добб не углубляется дальше в эту безмерно сложную область. Как мы уже знаем, персоноиды лишены плоти и ощущений, связанных с ней, но имеют «душу». «Совершенно невообразимые ощущения», – приходится слышать от людей, переживших особые состояния сознания (например, при полной темноте и полном отсутствии внешних раздражителей); но Добб считает это иллюзией. При сенсорном голоде человеческому сознанию угрожает распад: без притока импульсов из внешнего мира психика проявляет тенденцию к диссоциации. А персоноиды, лишённые наших ощущений, не «распадаются»; их целостность обеспечивается математической средой, которую они воспринимают – но как? Скажем, по изменениям собственного состояния, которые навязывает им, индуцирует в них «внешний мир». Они способны отличать изменения, происходящие вовне, от изменений, вызревающих в глубинах их собственной психики. Каким образом? Точный ответ дает лишь теория динамической структуры персоноидов.

И все же они похожи на нас, несмотря на все ужасающие различия. Мы уже знаем, что в цифровой машине никогда не вспыхнул бы свет разума; какое задание мы бы ей ни поручили, какие физические процессы ни моделировали в ней, она навсегда останется лишенной психики. Чтобы смоделировать человека, нужно воспроизвести некоторые его фундаментальные противоречия, поэтому персоноид представляет собой систему тяготеющих друг к другу антагонизмов; согласно Каньону, которого цитирует Добб, персоноид подобен звезде, сжимаемой силами гравитации и одновременно раздуваемой изнутри давлением излучения. В роли гравитационного центра выступает индивидуальное «Я», – но само оно отнюдь не составляет целого ни в логическом, ни в физическом смысле. Это лишь наше субъективное представление. В этой своей части книга готовит нам множество поразительных неожиданностей. Цифровую машину можно запрограммировать так, чтобы беседовать с ней, словно с разумным партнером. В необходимых случаях она будет употреблять местоимение «я» и все его грамматические аналоги, но это своего рода жульничество! Машина по-прежнему будет ближе к миллиарду говорящих попугаев – хотя и гениально выдрессированных, – чем к самому примитивному, самому глупому человеку. Она имитирует поведение человека в чисто языковой области, и только. Ничто эту машину не позабавит, не удивит, не потрясет, не ужаснет, не опечалит, потому что в психологическом и личностном смысле она Никто. Это Голос, излагающий проблемы, отвечающий на вопросы, это Логика, способная побить сильнейшего шахматиста, это – в потенции – безупречный имитатор всего на свете, дошедший до пределов совершенства актер, играющий любую запрограммированную роль, – но актер и имитатор, внутренне абсолютно пустой. Нельзя рассчитывать на симпатию или антипатию этой машины. На ее доброжелательность или враждебность. Она не стремится к какой-либо установленной ею самой цели; ей «все равно» до такой степени, которая абсолютно непонятна для всякого человека, – ведь как личности ее просто-напросто нет... Это поразительно эффективный комбинаторный механизм, и ничего больше. Мы наблюдаем удивительное явление: из такого безусловно пустого, абсолютно безличностного материала, как цифровая машина, удалось, благодаря специальным программам, сконструировать настоящие личности, к тому же великое множество их одновременно! Последние модели IBM достигают емкости 1000 персоноидов (термин математически точный, поскольку число элементов и соединений, необходимых в качестве носителя одного персоноида, можно выразить в единицах сантиметр-грамм-секунда). Внутри машины персоноиды отграничены друг от друга еще и физически. Обычно они не «накладываются» друг на друга, хотя возможно и это. Но при контакте персоноидов возникает аналог «отталкивания», препятствующий

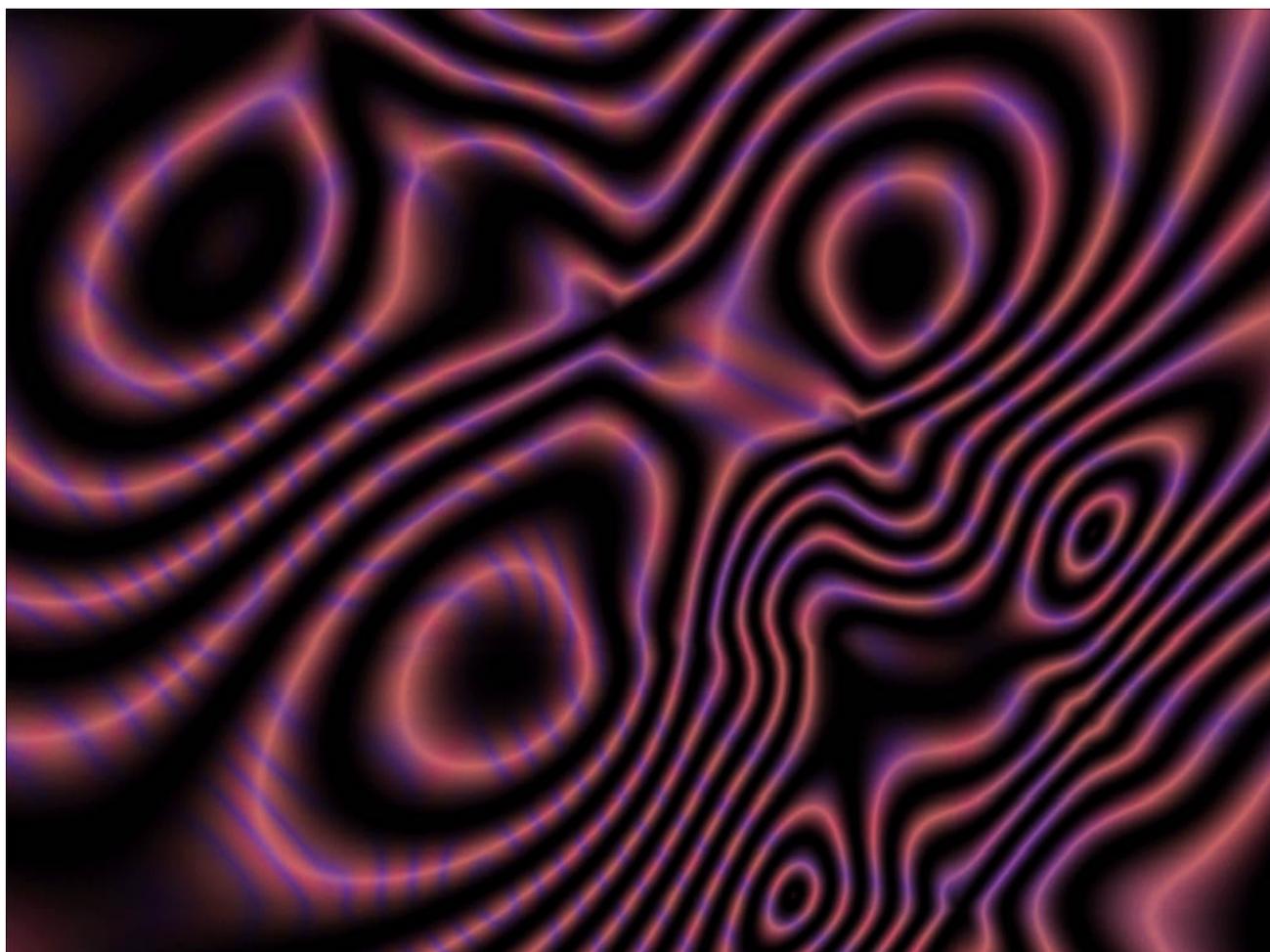
взаимному «осмосу». И все же они могут проникать друг в друга – если сами того захотят. Процессы, составляющие их духовный субстрат, накладываются один на другой, и тогда появляются шумы и помехи. Если зона взаимопроникновения невелика, определенное количество информации становится общей собственностью двух частично «перекрывающихся» персоноидов. Это явление представляется им странным



– как для человека странно и даже тревожно было бы услышать «чужие голоса» и «чужие мысли» в собственной голове (что случается при некоторых психических отклонениях – либо в случае душевной болезни, либо под влиянием галлюциногенных средств). Это все равно как если бы два человека имели не одинаковые, но одно и то же воспоминание. Словно происходит нечто большее, чем телепатическое общение, – «слияние двух сознаний в одном контуре». Это, однако, опасный симптом, которого следует избегать. После переходной стадии «пограничного осмоса» «напирающий» персоноид может «уничтожить» и «поглотить» другого. «Поглощенный» подвергается аннигиляции и перестает существовать (это уже называли убийством). «Жертва» становится усвоенной, неразличимой частью «агрессора». Нам удалось, говорит Добб, смоделировать не только психическую жизнь, но также угрозу этой жизни и ее уничтожение, то есть смоделировать смерть. В нормальных условиях эксперимента персоноиды избегают подобной агрессии. «Душеедов» (термин Каслера) среди них в общем-то нет. Почувствовав начало осмоса (что иногда происходит из-за чисто случайных сближений и флуктуаций) – разумеется, не органами чувств, а так, как мы ощущаем «чужое присутствие» или даже слышим «чужие голоса» в собственном мозгу, – персоноиды активно уклоняются от соприкосновения, отступают и расходятся. Это

явление, однако, помогло уяснить им смысл понятий «добра» и «зла». Для них очевидно, что зло состоит в уничтожении другого, добро же – в его спасении.

И одновременно то, что является злом для одного, может быть добром (то есть пользой, уже в неэтическом смысле) для другого – для «душееда». Проникновение на чужую «духовную территорию» расширяет пределы первоначального «ментального ареала». Это – своего рода аналог нашего поведения, ведь будучи хищниками, мы должны убивать и питаться убитыми. Персоноиды не вынуждены, но могут так поступать. Они не знают ни голода, ни жажды: их питает энергия, поступающая постоянно, об источниках которой им заботиться не приходится, так же, как мы не заботимся о том, чтобы солнце светило. В мире персоноидов не могли бы появиться ни термины, ни сами принципы термодинамики, понимаемой энергетически, поскольку их мир подчиняется математическим, а не термодинамическим законам.



Вскоре исследователи убедились, что контакты людей с персоноидами (через входы и выходы компьютера) достаточно бесплодны с познавательной точки зрения и связаны к тому же с нравственными коллизиями, которым персонетика как раз и обязана своей репутацией немилосерднейшей из наук. Сообщать персоноидам, что мы

их создали и заточили в машинах, имитирующих бесконечность, и что они всего лишь бесплотные, микроскопические «психоцисты», крошечные «капсулы» в нашем мире, – в этом есть что-то недостойное. Правда, они живут в своей собственной бесконечности, и поэтому Шаркер, да и другие персонетики (Фалькенштейн, Вигеланд), утверждали, что ситуация полностью симметрична: наш мир, наше «жизненное пространство» не нужны им точно так же, как нам – их «математическая земля». Добб считает эти аргументы софистикой. В демиургическом смысле не может быть спора о том, кто кого создал и кто кого заточил. Добб, во всяком случае, принадлежит к числу персонетиков, провозглашающих безусловное «невмешательство» и отказ от всяких контактов с персоноидами. Это бихевиористы от персонетики. Они наблюдают искусственные разумные существа, прислушиваются к их беседам и мыслям, фиксируют их действия, но ни при каких обстоятельствах не вторгаются в их мир. Этот метод довольно хорошо разработан и располагает техническим оснащением, изготовление которого еще несколько лет назад натолкнулось бы на непреодолимые трудности. Проблема в том, чтобы слышать и понимать, словом, быть неотлучным свидетелем, но чтобы это «подслушивание» ничего не меняло в мире персоноидов. В настоящее время в МТИ разрабатываются программы (АФРОН-II и ЭРОТ), которые «обогатили бы» персоноидов (пока что бесполох) подобием «эротических контактов», «оплодотворения» и «полового» размножения. Добб не скрывает своего скептического отношения к этим американским проектам. Его собственные исследования, результаты которых излагаются в «Non serviam», идут в совершенно ином направлении. Не без основания именно английскую персонетическую школу окрестили «философским полигоном», «лабораторной теологией». Эти понятия вводят нас в проблематику, пожалуй, наиболее важную и, уж во всяком случае, сильнее всего захватывающую каждого человека; она обсуждается в последней части рецензируемого труда – той самой, что оправдывает и объясняет его название, лишь поначалу звучащее странно⁴.

Добб представляет отчет о собственных опытах, ведущихся уже восемь лет. О самом сотворении сообщается очень кратко; в конце концов это было лишь повторение, с незначительными модификациями, процедуры, типичной для программы ЯХВЕ-VI. Добб излагает результаты подслушивания мира, который он сам же и создал и за развитием которого продолжает следить. Такое подслушивание он считает занятием неэтичным, а временами, как он сам признается, даже постыдным. Тем не менее он продолжает исследования, признавая необходимость в науке и таких

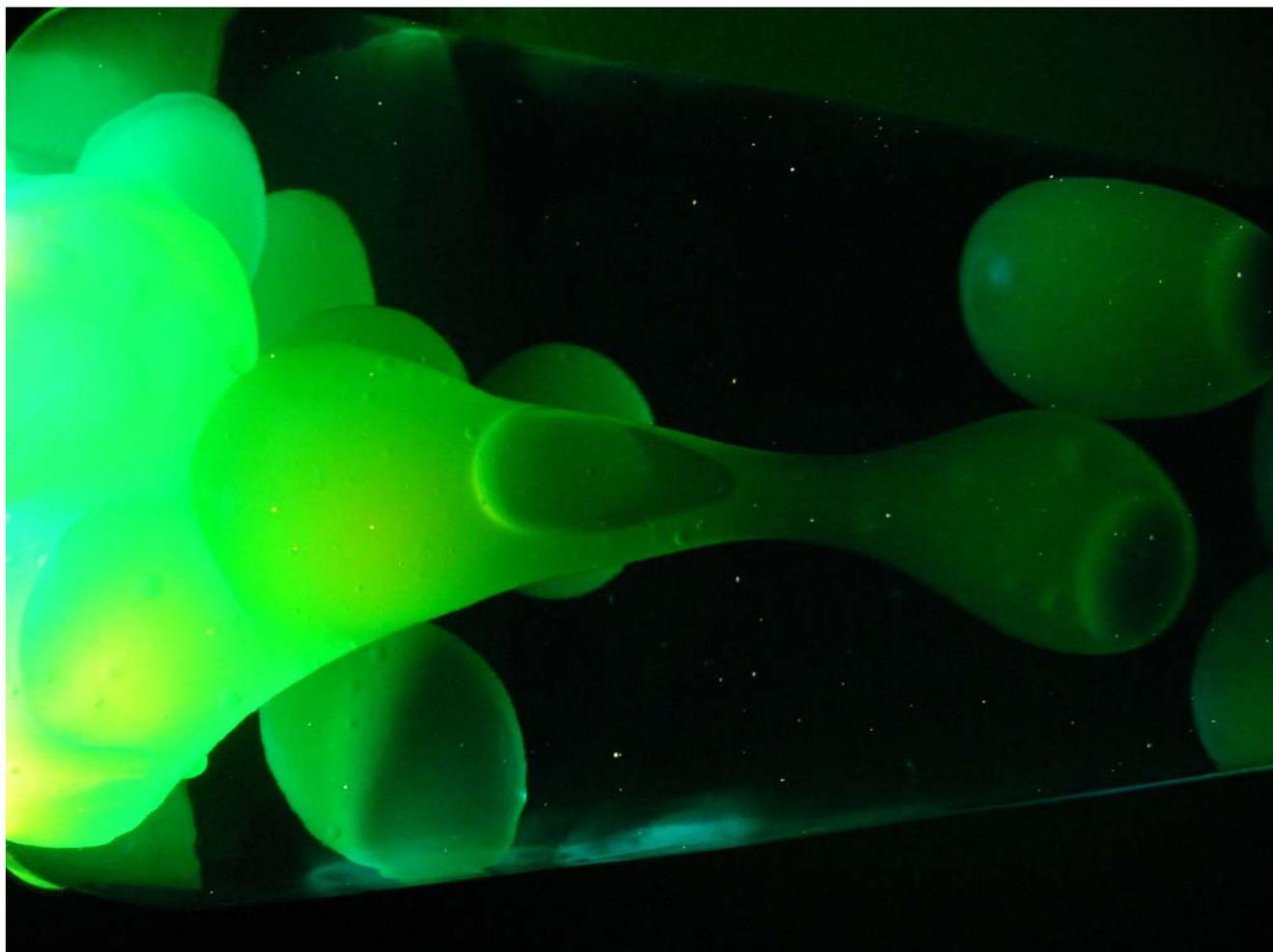
⁴ «Non serviam» – цитата из латинского перевода Библии: «...не буду служить (идолам)» (Иеремия, 2, 20).

экспериментов, которым нет оправдания с чисто этической, внепознавательной точки зрения. Мы, говорит он, зашли уже так далеко, что прежние отговорки ученых не достигают цели. Мы не можем делать вид, будто каким-то чудесным образом сохраняем нейтральность, и отделяться от голоса совести уловками, на которые идут вивисекторы: дескать, страдания или, скажем, беспокойство причиняются не полноправным сознаниям, не суверенным существам. Мы несем двойную ответственность, поскольку сами творим и сами же заточаем сотворенное нами в схему наших исследовательских процедур. Как бы мы ни поступали и как бы ни толковали свои поступки – от полной ответственности нам уже не уйти.

Многолетние опыты Добба и его сотрудников из Олдпорта сводятся к созданию универсума о восьми измерениях, который стал обиталищем персоноидов по имени АДАН, АДНА, АНАД, ДАНА, ДААН и НААД. Первые персоноиды развили заложенные в них зачатки языка, а затем создали «потомство» путем «деления». Как пишет Добб, явно парафразируя библейский стих, «и породил АДАН АДНУ, и АДНА родила ДАНА, и зачал ДААН ЭДАНА, который произвел на свет ЭДНУ...» – и так продолжалось, пока число поколений не достигло трехсот; а поскольку емкость компьютера, которым располагали исследователи, не превышала 100 персоноидных единиц, время от времени приходилось ликвидировать «демографические излишки». В трехсотом поколении опять появляются АДАН, АДНА, АНАД, ДАНА, ДААН и НААД, правда, на этот раз с цифрами – порядковыми номерами поколения; мы для простоты изложения номера опускаем. Согласно Доббу, время, прошедшее в компьютерном универсуме от «сотворения мира», составляет, в приблизительном пересчете на земные единицы, от 2 до 2,5 тысяч лет. За этот период популяция персоноидов выработала множество различных толкований своей судьбы, всевозможные, нередко друг другу противоречащие представления о «всем существующем», иначе говоря, множество философских (онтологических и эпистемологических) систем, а также «метафизических свершений». Потому ли, что «культура» персоноидов слишком отличается от земной, или потому, что эксперимент продолжался недостаточно долго, но в исследуемой популяции не сложилась вера, основанная на строгих догматах, нечто наподобие христианства или буддизма, хотя уже в седьмом поколении появляется понятие Творца как личного и единого Бога. Эксперимент заключался в том, что скорость компьютерных преобразований то доводилась до максимума, то (примерно раз в год) замедлялась, чтобы позволить наблюдателям «непосредственное подслушивание». Эти изменения скорости, поясняет Добб, совершенно незаметны для обитателей компьютерного универсума, как и для нас было бы незаметно

преображение сразу всего бытия во временном измерении; пребывающие в бытии не осознают этого, если не располагают такой константой или системой соотнесения, которая позволила бы обнаружить свершившуюся переменную.

Благодаря включению двух «временных скоростей» стало возможным то, что было важнее всего для Добба, а именно: возникновение и наблюдение извне собственной истории персоноидов с ее временной перспективой и традициями, уходящими в прошлое. Невозможно пересказать здесь воссозданную Доббом «историю» персоноидов (нередко захватывающе интересную) в полном объеме. Мы ограничимся теми ее эпизодами, которые, несомненно, и отразились в названии книги. Язык персоноидов представляет собой одну из поздних трансформаций упрощенного английского языка, лексика и синтаксис которого были запрограммированы в их первом поколении. Добб переводит его на обычный английский, сохраняя, однако, некоторые выражения, возникшие в персоноидной популяции. К ним относятся понятия «божист» и «небожист» (в значении «верующий в Бога» и «атеист»).



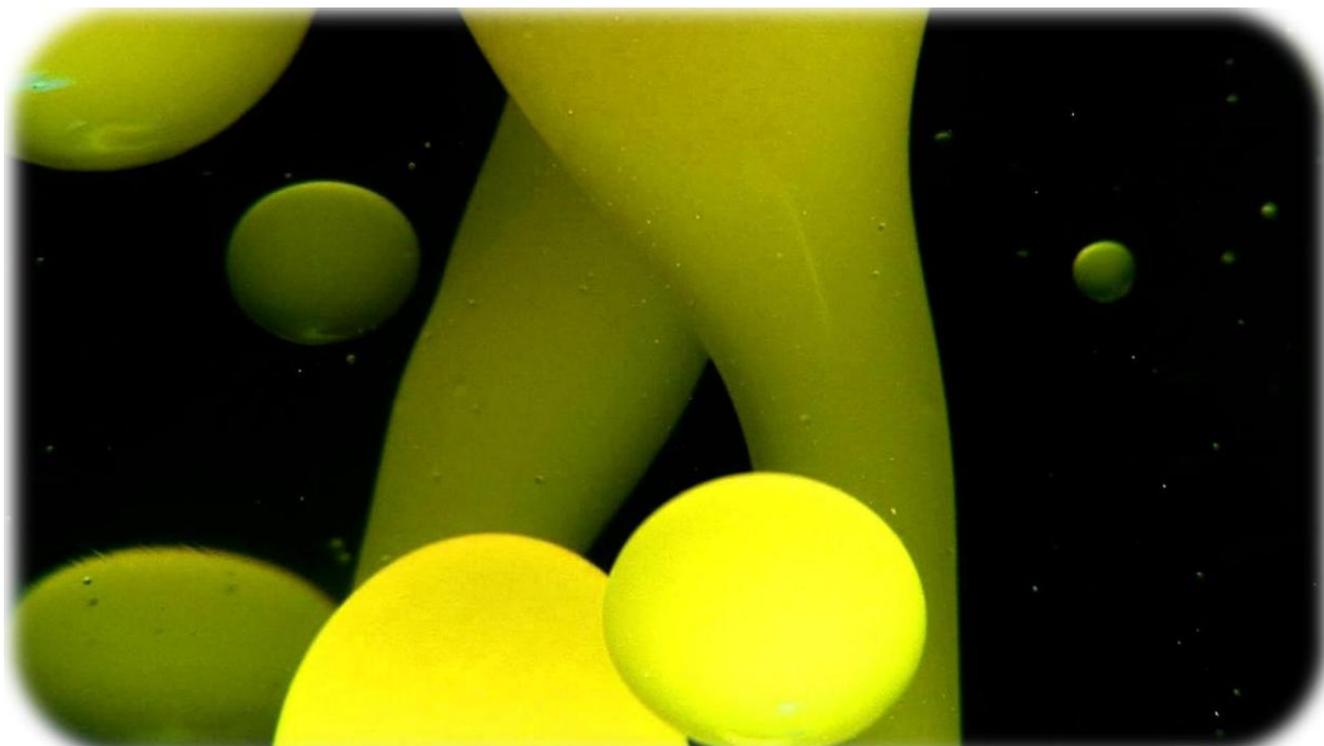
АДАН, ДААН и АДНА (персоноиды не имеют пола и не пользуются именами – имена им дают наблюдатели, чтобы удобнее было протоколировать высказывания)

обсуждают проблему, которая в нашей истории восходит к Паскалю, а в истории персонионов составляет изобретение ЭДАНА-197. Мыслитель этот, как и Паскаль, утверждал, что вера в Бога при любых обстоятельствах выгоднее неверия: если правы небожисты и Бога нет, верующий со смертью ничего не теряет, зато он выигрывает целую вечность (вечное блаженство), если Бог существует. Поэтому в Бога следует верить; это попросту тактика экзистенции, обеспечивающая максимальный выигрыш в этой и будущей жизни.

АДАН-300 по этому поводу замечает: ЭДАН-197 предполагает существование Бога, который требует почитания, любви и безусловной преданности, а не одной лишь веры в то, что он существует и что мир сотворен им. Итак, принять гипотезу Бога-творца недостаточно для спасения: нужно вдобавок быть ему благодарным за акт творения, угадывать и исполнять его волю, – короче, Богу нужно служить. Так вот: если Бог существует, он мог бы это удостоверить по меньшей мере с такой очевидностью, с какой удостоверяет свое бытие то, что нами наблюдается непосредственно. Ведь мы не сомневаемся, что определенные объекты существуют и что из них-то и состоит наш мир. Сомневаться возможно лишь в том, как, каким образом они существуют, но самому факту их бытия не противоречит ничто. Столь же наглядно Господь мог бы убедить нас в своем бытии, однако не сделал этого и обрек нас на поиски указаний косвенных, опосредованных, принимающих форму догадок (так называемых откровений). Тем самым он уравнивал позиции божистов и небожистов; он не заставил сотворенных безусловно поверить в свое бытие, а лишь оставил им такую возможность. Конечно, мотивы, которыми руководился Творец, сотворенным могут быть неизвестны. Однако возникает дилемма: либо Бог существует, либо не существует; какой-либо промежуточный вариант (существовал лишь когда-то в прошлом, существует временами, периодически; существует то «в меньшей степени», то в «большей») представляется крайне маловероятным. Исключить его совершенно нельзя, но введение многоценностной логики в богословие лишь затемняет дело.

Итак, Бог либо есть, либо его нет. Предположим, что он по собственной воле допускает такое положение вещей, при котором обе стороны уверены в своей правоте: и те, кто доказывает существование Творца (божисты), и те, кто бытие Творца отрицает (небожисты). С точки зрения логики это игра, в которой на одной стороне участвует совокупность божистов и небожистов, на другой же – только Бог. Ее логическая характеристика такова, что за неверие Бог никого не вправе наказывать. И в самом деле: если неизвестно наверное, существует ли нечто, причем одни говорят «да», а другие «нет», и если к тому же имеются доводы в пользу последней гипотезы,

ни один добросовестный суд не признает виновным того, кто оспаривает существование этого «нечто». Для всех возможных миров справедливо следующее суждение: без полной уверенности нет и полной ответственности. Суждение это логически неоспоримо; в терминах теории игр оно представляет собой симметричную функцию выплаты: тот, кто при неполной уверенности настаивает на полной ответственности, нарушает математическую симметрию игры (в этом случае возникает так называемая игра с ненулевой суммой).



Значит, либо Бог справедлив абсолютно, и тогда он не вправе наказывать небожиков за неверие; либо он все-таки будет карать неверующих, а следовательно, абсолютная справедливость ему не присуща. Что же тогда? Тогда он может делать вообще все, что ему заблагорассудится, ведь если в логической системе допустить одно-единственное противоречие, то, согласно принципу «ex falso quod libet»⁵, из нее можно вывести все что угодно. Другими словами: Бог справедливый не может и волоса тронуть на голове у небожиков; если же он поступает иначе, его уже нельзя считать тем совершенным и всеблагим существом, каким его изображают теологи.

АДНА спрашивает, как выглядит на этом свете проблема причинения ближнему зла.

АДАН-300 отвечает: все происходящее здесь полностью достоверно; все

⁵ Из ложного (допущения) – все, что угодно

происходящее там – в запредельном мире, в вечности и т.д., – недостоверно, как любые заключения, основывающиеся на гипотезах. Здесь не следует причинять зла, хотя этот принцип нельзя вывести чисто логически. Но чисто логически нельзя доказать и существование мира. Мир существует, хотя мог бы не существовать; зло причинять возможно, однако не следует. Я полагаю, говорит АДАН-300, что принцип непричинения зла вытекает из неявно принимаемого нами принципа взаимности: относись ко мне так, как я отношусь к тебе. Это не имеет ничего общего с существованием или несуществованием Бога. Не делать зла, дабы избежать наказания там, или делать добро, рассчитывая там на награду, – значит основываться на недостоверных данных. Здесь, однако, не может быть более надежного основания, чем наше соглашение в этом вопросе. Основания, которые, быть может, имеются там, неизвестны мне с той же достоверностью, с какой здесь мне известны наши. В игре, которая продолжается, пока продолжается жизнь, мы союзники все до единого. Тем самым игра между нами полностью симметрична. Существование Бога предполагает продолжение игры вне этого мира. Я допускаю эту посылку лишь при условии, что она никак не повлияет на ход игры здесь. В противном случае ради кого-то, кого, возможно, вовсе и нет, мы готовы пожертвовать тем, что здесь существует наверное.

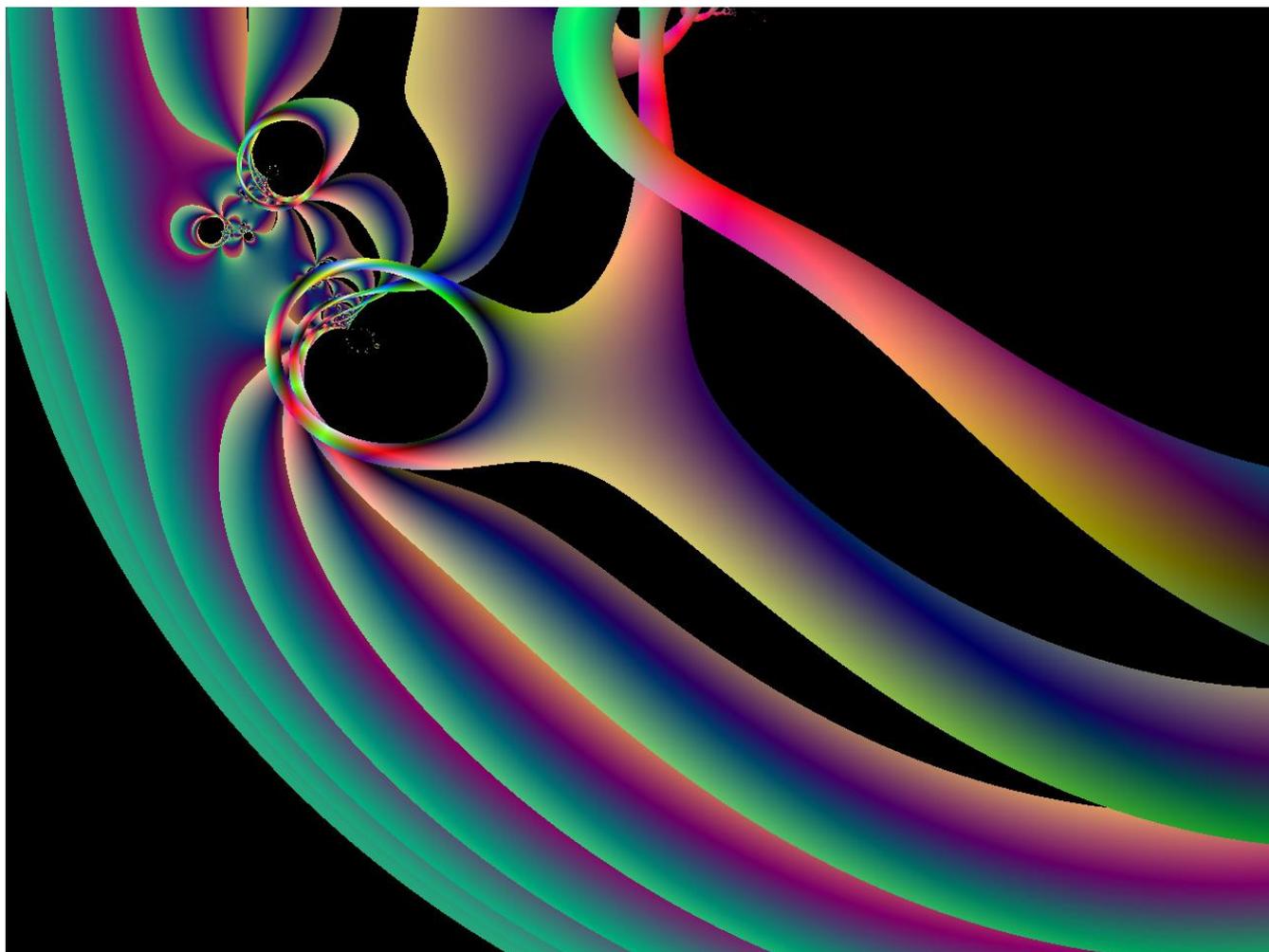
ДААН замечает, что ему неясно отношение АДАНА-300 к Богу. АДАН допускает возможность существования Творца; что же отсюда следует?

АДАН: ничего абсолютно. То есть ничего в сфере долженствования. Я полагаю, что – опять-таки для всех возможных миров – справедливо суждение: посюсторонняя этика абсолютно независима от потусторонней. Она не нуждается в том, чтобы ее санкционировали извне. Совершающий зло будет всегда негодяем, а делающий добро – праведником. И тот, кто готов служить Богу, считая доказательства его бытия достаточными, не имеет здесь никакой особой заслуги. Это его личное дело. Ведь если Бога нет, то его нет совсем, а если он есть, то он всемогущ. А всемогущий мог бы сотворить не только иной мир, но и иную логику – не ту, которая лежит в основе моих рассуждений. Возможно, в рамках этой иной логики посюсторонняя этика необходимо вытекала бы из этики потустороннего. И если не непосредственный опыт, то хотя бы логическая необходимость вынудила бы нас принять гипотезу Бога, чтобы не погрешить против разума.

ДААН говорит, что Бог, возможно, не желает принуждать кого-либо к вере в себя при помощи иной логики, о которой упоминает АДАН-300. Тот отвечает на это так:

Бог всемогущий должен быть и всеведущим; всеведение не есть нечто

независимое от всемогущества, ибо тот, кто все может, но не знает, к чему приведет осуществление его всемогущества, фактически не всемогущ. Если бы время от времени он творил чудеса (как нас иногда уверяют), это выставило бы его совершенство в весьма двусмысленном свете, поскольку чудо, будучи внезапным вмешательством, нарушает автономию сотворенного. Тому, кто идеально отрегулировал творение и заранее знает, как оно будет вести себя до самого конца, нет нужды нарушать его автономию; если же он все-таки ее нарушает, то тем самым вовсе не исправляет свое творение (ведь такая поправка предполагает изначальное невсеведение), а извещает чудесами о собственном бытии. Но здесь имеется логический изъян: извещая о себе чудесами, он создает впечатление, что все-таки исправляет локальные изъяны творения. А если сотворенное подвергается исправлениям, которые исходят не из него самого, но появляются извне (из трансценденции, то есть из Бога), то, рассуждая логически, следовало бы сделать чудо нормой – усовершенствовать творение так, чтобы никакие чудеса не понадобились.



Ибо чудеса – единичные вмешательства свыше – не могут быть только знаками существования Господа: они не только извещают об их Творце, но и воздействуют на

сотворенных (дабы помочь им на этом свете). Итак, повторяю: с точки зрения логики либо творение совершенно, и тогда чудеса не нужны, либо чудеса необходимы, но тогда творение безусловно несовершенно, ведь исправить – чудесами или без них – можно лишь нечто ущербное. Чудо, вторгающееся в совершенство, может только нарушить, то есть испортить его. Возвещать о своем существовании чудесами – значит пользоваться способом, логически наихудшим.

ДААН спрашивает: быть может, Бог желает именно выбора между верой и логикой; быть может, акт веры как раз и должен быть отречением от логики в знак абсолютного доверия к Богу?

АДАН: если допустить, что логическая реконструкция чего-либо (бытия, теодицеи, теогонии и т.д.) может быть внутренне противоречивой хотя бы в одном пункте, то тогда можно доказать буквально все, что захочется. Вдумайтесь: ведь это значит наделить творение логикой, и логикой вполне определенной, а после потребовать принести ее в жертву как доказательство веры в Творца. Чтобы оставаться непротиворечивым, это допущение требует какой-то металогики, какого-то совершенно иного типа умозаключений, нежели те, что свойственны логике сотворенного. В этом проявляется если не прямая ущербность Творца, то, во всяком случае, черта, которую я бы назвал математической незлегантностью, неупорядоченностью (некогерентностью) акта творения.

ДААН настаивает на своем: возможно, Творец поступает так именно потому, что желает остаться непостижимым для сотворенных, невыводимым по правилам логики, которую он для них создал. Иначе говоря, он требует логику подчинить вере.

АДАН отвечает ему: понимаю. Разумеется, это возможно, но если даже и так, несогласуемость веры и логики порождает крайне неприятную дилемму морального свойства. На каком-то этапе рассуждений нам приходится отказываться от логики в пользу неясной догадки, то есть догадку предпочесть логической достоверности, – и все это во имя безграничного доверия. Мы попадаем в *circulus vitiosus*⁶, ибо существование того, кому мы так слепо должны доверять, есть следствие умозаключений, в исходном пункте логически правильных. Возникает логическое противоречие; подчас его берут с положительным знаком и нарекают «тайной бытия Бога». Такое решение с конструктивной точки зрения никуда не годится, а с точки зрения этики – сомнительно. Понятие Тайны может быть в достаточной мере

⁶ Порочный круг

оправдано неисчерпаемостью мироздания (ведь бытие бесконечно). Оправдывать же его при помощи внутреннего противоречия – дело весьма сомнительное с точки зрения любого конструктора. Ревнителю веры не отдадут себе в этом отчета и к некоторым частям богословия применяют обычную логику, а к другим – нет. По-моему, если верить в противоречие⁷, то уже только в противоречие, а не в логику и противоречие попеременно. Приняв этот несуразный дуализм (посюстороннее всегда подчиняется логике, потустороннее – лишь иногда), мы получим картину творения, смётанного из логических лоскутов, то есть заведомо несовершенного. Либо придется признать, что совершенство есть нечто латаное-перелатаное в логическом отношении.

АДНА спрашивает: не может ли связующим звеном подобных несоответствий служить любовь?

АДАН: Если и так, то не всякая, а только слепая. Бог, если он существует и если он сотворил мир, позволил миру устраиваться, как тот сумеет и пожелает. Бог не может рассчитывать на благодарность за то лишь, что он существует: такая постановка вопроса предполагает, что он мог бы и не существовать и что это было бы плохо, а подобное допущение ведет к дальнейшим противоречиям. Или, может быть, речь идет о благодарности за творение? И на нее он не может рассчитывать, иначе нам пришлось бы уверовать, что быть в любом случае лучше, чем не быть; не вижу, как это можно было бы доказать. Несуществующего нельзя ни осчастливить, ни опечалить; если же Бог, благодаря всеведению, знает заранее, что сотворенный будет ему благодарен и возлюбит Творца, или, напротив, проявит неблагодарность и отвергнет его, то он действует принуждением, пусть даже сотворенный никакого принуждения не замечает. И потому-то Богу не полагается от нас ничего – ни любви, ни ненависти, ни благодарности, ни сетований, ни надежды на воздаяние, ни страха перед возмездием. Ему не полагается ничего. Тот, кто желает каких-либо чувств по отношению к себе, должен сначала убедить нас в собственном несомненном существовании. Любовь допускает сомнение в том, взаимна она или нет; это понятно. Но любовь, которая сомневается в существовании предмета любви, – нелепость. Обладающий всемогуществом мог бы рассеять любые сомнения. Если он их не рассеял, значит, счел это излишним. Почему? Напрашивается предположение, что он вовсе не всемогущ. Невсемогущий создатель, пожалуй, мог бы рассчитывать на чувство, близкое к жалости и даже любви; но этого ни один из наших теологов не допускает. Итак, я повторяю: будем служить себе и никому больше.

⁷ Credo quia absurdum est: верую, ибо (это) абсурдно (лат.) - примечание профессора Добба в тексте

Мы опускаем дальнейшую дискуссию о том, является ли Бог, каким его изображает теология, либералом или скорее самодержцем; трудно вкратце изложить умозаключения, занимающие большую часть книги. Размышления и дискуссии, которые протоколировал Добб в ходе групповых коллоквиумов АДНА-300, ДААНА и других персоноидов, а также в ходе соликоллоквиумов⁸ (даже чисто мысленный ход умозаключений экспериментатор может фиксировать при помощи специальных устройств, подключенных к компьютеру), занимают чуть ли не треть книги. В самом тексте не дается никакого комментария к ним. Таким комментарием, однако, служит послесловие Добба. Он пишет:

По-моему, доводы АДНА неоспоримы – во всяком случае, постольку, поскольку они адресованы мне; ведь это я его создал. В его теологии я являюсь Творцом. Я действительно сконструировал этот мир (с порядковым номером 47), применив программу АДОНАИ-IX, а при помощи модифицированной программы ЯХВЕ-VI создал зародыши персоноидов. Первое их поколение положило начало тремстам следующим. Я действительно не сообщил им ничего достоверного ни о возникновении мира, ни о моем собственном существовании. К мысли о моем бытии они действительно могут прийти лишь путем гипотез, догадок и домыслов. Создавая разумные существа, я действительно счел себя не вправе требовать от них благодарности или любви, тем более – какого-либо служения. Я могу увеличить или уменьшить их мир, ускорить или замедлить течение времени в нем, изменить способ и тип их восприятия, могу уничтожить их, могу дробить их и множить, могу перестроить онтологический фундамент их бытия. Иначе говоря, по отношению к ним я всесилен, но, честное слово, из этого вовсе не следует, будто они мне что-то должны. Напротив, я убежден, что они мне ничем не обязаны. Это правда: я их не люблю; о любви здесь говорить не приходится; но в конце концов какой-нибудь другой персонетик мог бы питать любовь к своим подопечным. По-моему, это никак не изменило бы сути дела – ни на волос. Представьте себе, что я подключил к моему ВIX-310/092 огромных размеров приставку – «загробный мир», – через которую пропускаю одну за другой «души» моих персоноидов; тех, кто верил в меня, кто меня почитал, кто питал ко мне доверие и благодарность, я награждаю, а всех остальных (небожистов, говоря языком персоноидов) наказываю уничтожением или страданиями (о вечных муках не смею даже помыслить – я все же не такое чудовище!). Мой поступок, вне всяких сомнений, сочли бы выходкой крайнего и бессовестного эгоцентризма, мстью подлой и к тому же

⁸ В беседах с самим собой

иррациональной, короче, гнуснейшим злоупотреблением своей абсолютной властью над невинными существами, причем на их стороне была бы неоспоримая правота логики, определяющей их поведение. Разумеется, из истории персонетики каждый волен делать выводы, какие считает нужными. Д-р Айан Комби сказал мне в частной беседе, что я мог бы убедить персонидов в своем бытии. Вот этого я не сделаю наверняка. Это значило бы напрашиваться на что-то, ожидать какой-то реакции с их стороны. Но что они, собственно, могли бы сказать или сделать такого, чтобы я, их несчастный Творец, не почувствовал себя глубоко пристыженным и больно задетым? Счета за электроэнергию приходят ежеквартально, и наступит минута, когда университетские власти потребуют окончания эксперимента – выключения машины, то есть конца света. Я буду оттягивать эту минуту так долго, как только смогу. Это единственное, что я в состоянии сделать, однако гордиться тут нечем. Они мне ничего не должны, а я отдаю им последний долг. Надеюсь, эти слова не покажутся вам двусмысленными. Но если все же покажутся – пусть.

